

На правах рукописи

Коротких Анастасия Викторовна

**ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
САШИ ЧЕРНОГО, А. АВЕРЧЕНКО И ТЭФФИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2002

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Института филологии Сахалинского государственного университета

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Агеносов Владимир Вениаминович

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор
Овчинникова Любовь Владимировна,
кандидат филологических наук
Сатарова Алина Анатольевна

Ведущая организация:
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится « » _____ 2003 года в _____ ч.
на заседании Диссертационного совета Д 212.154.15 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 119992, Москва,
ул. Малая Пироговская, д. 1, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу:
119992, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан « » _____ 2002 года

Учёный секретарь
Диссертационного совета

 Выгон Н. С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Русская литература, начиная с середины XIX века, характеризуется устойчивым интересом к теме детства, в художественную разработку которой внесли свой бесценный вклад Л.Н. Толстой, Ф. Достоевский, С.Т. Аксаков, А. Чехов, М. Горький, И. Бунин, В. Короленко, И. Шмелев, Б. Зайцев и другие писатели.

Дети являются персонажами большого числа произведений Саши Черного (Александра Михайловича Гликберга, 1880-1932), Аркадия Тимофеевича Аверченко (1881-1925) и Надежды Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой, в замужестве Бучинской, 1872-1952).

Саха Черный отобразил детский язык, игры, мироощущение как особую самоценную систему в повести «Чудесное лето» (1929), в рассказах «Домик в саду» (1918), «Люся и дедушка Крылов» (1926), «Самое страшное» (1928), «Визит» (1929), «Морская подушка» (1930), «Тихая девочка» (1930) и др.

Тэффи включала рассказы о детях во многие свои книги на протяжении всего творческого пути: «Карусель» (1913), «Неживой зверь» (1916), «Городок (1927), «Книга Июнь» (1931), «Ведьма» (1936), «О нежности» (1938), «Земная радуга» (1952). «Свет, небо, дети, природа, наконец, любовь» - это то, по словам Г. Адамовича, что позволяло Тэффи считать жизнь прекрасной, несмотря на частую неприглядность человеческого существования¹.

Аверченко составлял из рассказов о детях отдельные сборники («Шалуны и ротозеи» [1915], «О маленьких – для больших» [1916], «Дети» [1922]) и включал произведения на тему детства в другие свои книги («О хороших, в сущности, людях» [1914], «Синее с золотом» [1917], «Дюжина ножей в спину революции» [1921], «Отдых на крапиве» [1924]). В таких рассказах, как «Блины Доди», «Три желудя», «Под столом», «Человек за пирмой» писатель показывает мир детей, разоблачая недостатки взрослых.

В русской литературе первой половины XX века тема детства занимала одно из доминирующих положений и развивалась многовариантно, свидетельство чему произведения «Дед Архип и Ленька» (1894), «Детство» (1913) М. Горького, «Котик Летаев» (1915-1916), «Крешеный китаец» (1921) А. Белого, «Детство Никиты» (1920) А. Толстого, «Жизнь Арсеньева» (1927) И. Бунина, «Лето Господне» (1927-1948) И. Шмелева, «Кондуит и Швамбрания» (1928-1931) Л. Кассиля, цикл «Леля и Минька» (1939) М. Зощенко и т.д.

Начиная с конца 20-х гг. прошлого века, на протяжении долгих десятилетий творчество Саши Черного, А. Аверченко, Тэффи и других писателей-эмигрантов было или вовсе недоступно российскому читателю, или пробивалось к нему с большим трудом в ограниченном объеме. Подлинное возвращение писателей-юмористов в Россию состоялось в 1990-е гг. Московские и провинциальные издательства за 1989-2001 гг. опубликовали десятки книг, выпустили многотомные собрания сочинений Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи.

Актуальность диссертационного исследования вытекает из необходимости подвергнуть научному рассмотрению значимую для русской литературы первой половины XX века тему детства в творчестве Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи, вызывающем стабильный интерес в последнее десятилетие у читателей и издателей.

¹Адамович Г.В. Тэффи // Его же. Одиночество и свобода / Сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 234.

Юмористическая проза Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи, объединенная темой детства, выступает в качестве **объекта исследования, предметом** научного рассмотрения являются детские образы. **Материалом** для изучения послужили произведения писателей, созданные в 10-х – 40-х годах XX века, такие, как «Дневник фокса Микки» (1927), «Самое страшное» (1928), «Чудесное лето» (1929), «Тихая девочка» (1930) Саши Черного; «Золотое детство» (1911), «Любовь» (1924), «Гурон» (1927), «Весна весны» (1930), «Где-то в тылу» (1940) Тэффи; «Человек за ширмой» (1911), «Страшный Мальчик» (1914), «Блины Доди» (1915), «Костя» (1917) А. Аверченко. Для литературоведческого анализа привлекаются как произведения, адресованные взрослым, так и рассказы и повести для детей. Осознание влияния предполагаемого адресата на содержание и форму литературного произведения в момент его создания сочетается в диссертации с намеренным акцентом на наиболее общих свойствах образов детей в прозе писателей, не зависимо от того, кому эта проза адресована.

Диссертация имеет **целью** изучение детских образов в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие **задачи**: определить значение темы детства в творчестве каждого из писателей; выявить традиции и новаторство в подходе к изображению детей, рассмотрев творчество писателей в контексте русской литературы о детях конца XIX – начала XX веков; раскрыть сущность и специфику концепции детства в произведениях Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи; определить принципы и рассмотреть способы создания детских образов; классифицировать детские образы, построив их типологию.

Уже критики-современники указывали на юмористическую направленность образов детей у Аверченко и Тэффи. Слова П. Пильского, П. Бицилли о передаче радостного мироощущения ребенка в рассказах сборников «О маленьких – для больших» и «О нежности» справедливы и по отношению к автору «Румяной книжки»².

И.Г. Минералова, И.Н. Арзамасцева, О.О. Петрашко, Е.М. Трубилова, А.С. Иванов, затрагивая тему детства в произведениях писателей, говорят о конкретных приемах создания юмора. Л.А. Спиридонова полагает, что образы детей в произведениях Саши Черного воплощают его положительный идеал – мечту о «естественном человеке». Однако всестороннему научному рассмотрению образы детей в прозе Черного, Аверченко и Тэффи не подвергались.

Таким образом, **научная новизна** диссертации обусловлена выбором объекта исследования и новыми подходами к прозе Саши Черного, Тэффи и А. Аверченко:

- впервые объединяются имена писателей как авторов прозы о детях;
- впервые подвергаются научному изучению детские образы в юмористической прозе писателей;
- впервые формулируется общая для троих авторов концепция детства;
- впервые выявляются принципы и способы создания детских образов в прозе Черного, Аверченко и Тэффи;
- впервые собрано для изучения в одной работе большое число (более 150) малоизученных опубликованных в России за последние тридцать лет прозаических произведений писателей о детях.

2 Пильский П. Критические строки // Солнце России. – 1916. – № 17. – С. 10; Бицилли П. Н.А. Тэффи. О нежности. Изд. «Русские записки», 1938 // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. - М.: Наследие, 1999. – С. 199.

Теоретико-методологическая база диссертации складывается из четырех групп научных источников: 1) труды В.Я. Проппа, Ю.Б. Борева, Н. С. Выгон о категории комического в искусстве и литературе; 2) литературоведческие работы по детской литературе К.И. Чуковского, Н.И. Павловой, И.Н. Арзамасцевой, И.Г. Минераловой и других; 3) работы теоретиков литературы: Б.А. Успенского, Л.Я. Гинзбург, А.Б. Есина, В.Е. Хализева и других, - посвященные изучению различных аспектов художественного произведения; 4) труды Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, Р.С. Немова и других ученых по возрастной психологии.

Диссертация опирается на работы современных исследователей творчества Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: О.Н. Михайлова, Ст.С. Никоненко, Л.А. Спиридоновой, Д.А. Левицкого, А.С. Иванова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой, В.В. Агеносова и других.

Методика исследования базируется на сравнительно-типологическом, конкретно-текстуальном, биографическом видах литературоведческого анализа, дополняющих друг друга в нашем подходе к рассмотрению детских образов в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обращение к теме детства было чрезвычайно важным для А. Аверченко, Саши Черного и Тэффи, потому что именно в мире детей эти писатели находили абсолютные гуманистические ценности. Именно творчество о детях и для детей помогло им выстоять в тяжелейших жизненных обстоятельствах.

2. В основу показа мира детства в произведениях Аверченко, Тэффи и Саши Черного о детях легли чеховские принципы и приемы изображения детей в сочетании с толстовским психологизмом.

3. В рассказах писателей о детях нашли свое отражение идеалы руссоизма, воплотившиеся в понятии о «естественном человеке». Ребенок для Саши Черного, Тэффи и Саши Черного есть существо, наделенное первозданной нравственной чистотой, природной энергичностью и глубокой отзывчивой душой.

4. Типология детских образов в прозе писателей, ориентированная на содержание и исходящая из психолого-характерологического критерия, включает 6 типов: «фантазеры», «читатели», «деловые люди», «юные влюбленные», «одинокие дети» и «шалуны». Для юмористического изображения детей писатели прибегают к алогизму, гиперболе, пародии, комическому портрету, комизму детской речи и другим художественным приемам.

Теоретическая значимость и практическая ценность результатов исследования. Результаты проведенной работы могут быть использованы для дальнейшего изучения творчества Тэффи, Саши Черного и А. Аверченко, а также могут применяться в практике школьного и вузовского преподавания. Помимо этого, работа дает полезный материал для изучения психологии детства с точки зрения использования художественной литературы как эмпирического материала.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены на межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, на международной научной конференции «Поэтика русской и зарубежной прозы», на всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин» (III Маймановские чтения), на Чеховских чтениях «А.П. Чехов и сахалинское образование», проходивших в г. Южно-Сахалинске в 2001 году. По теме исследования сделано 6 публикаций.

Диссертация включает в себя введение, две главы, разделенных на параграфы, заключение, список литературы. В качестве приложений к работе приводится хронологическая таблица произведений Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи о детях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и новизна исследования, определяются цель, задачи, объект, предмет и методология изучения, приводится обзор научной и критической литературы по теме диссертации.

В первой главе диссертации – «Детство в понимании Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи» – прослеживается индивидуальный путь Саши Черного, Аверченко и Тэффи к теме детства, устанавливается место этой темы в творчестве каждого автора, формулируется система общих взглядов писателей на детство, выясняется специфика детских образов в прозе каждого автора, выявляются чеховские традиции изображения детей в произведениях Черного, Аверченко и Тэффи.

Начало жизни писателя, который обращается к теме детства, может быть безотрадным, как у Саши Гликберга (Черного), коротким и бедным, как у Аркадия Аверченко, или, напротив, веселым, насыщенным творчеством, поэзией, как у Надежды Лохвицкой (Тэффи), – важно, чтобы оно остро, ярко запомнилось и заставило автора проявлять неутолимый интерес к детям. Эхо детства сохранилось в душах писателей, превратившись в чудаковатую детскость в сочетании с чувством юмора, который они переносили на образы детей в своих произведениях.

Путь каждого писателя к теме детства был уникален. Аверченко считал необходимым помещать рассказы о детях в отдельные книги, редко нарушая это правило. Тэффи не выделяла тему детства особо, включая рассказы о детях в самые разные свои книги. Для Саши Черного переход к теме детства и творчеству для детей оказался резким поворотом от сатиры на общественно-политические темы. Все авторы находили в мире детства вечные ценности, оправдание несовершенствам жизни.

Во втором параграфе первой главы произведения Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи рассматриваются в контексте русской литературы о детях второй половины XIX – первой половины XX века. Начиная с середины XIX века, в русской литературе прослеживаются две наиболее общие тенденции изображения детства. 1). *Рассказ о становлении личности*; история человека, развернутая во времени (трилогия Л. Толстого; «Детство», «В людях» и «Мои университеты» – трилогия М. Горького, тетралогия Б. Зайцева «Путешествие Глеба» и др.). Книги первой группы отличаются установкой на серьезность рассказчика. 2). *Показ отдельных эпизодов детства*, оказавших влияние на всю последующую жизнь человека, либо поразивших чем-то автора не зависимо от того, какое значение эти эпизоды имеют для жизни персонажа. Здесь писатель, как при фотографировании, запечатлевает яркий фрагмент детской жизни, какой-либо момент своего или чужого детства, вызвавший у него яркие эмоции (удивление, сочувствие, негодование и т.д.). Произведения данного плана тяготеют к жанру короткого рассказа, рассказа-анекдота, миниатюры и этюда. В отличие от принципиально серьезного повествователя в произведениях первой группы, авторы произведений второй группы допускают возможность показа детства в комическом ключе, хотя этот комизм не обязателен.

В прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи о детях отчетливо прослеживаются чеховские принципы изображения детей. **Чехов писал о детях в**

основном с юмором (это характерно не для всех рассказов Чехова, так, например, исключение составляют рассказы «Ванька», «Спать хочется» и им подобные). Чеховский принцип юмористического изображения детей, подчеркивающий их важнейшие особенности, широко использовали в своих произведениях Саша Черный, Аверченко и Тэффи. Забавны дети из рассказов Аверченко «Экзаменационная задача» (сб. «О хороших, в сущности, людях», 1914) «Человек за ширмой», «Под столом», «День делового человека» («О маленьких – для больших», 1916) и т.д.

Юные герои в произведениях Саши Черного, как и в рассказах Аверченко, не замечают, что они смешны. В рассказах «Голубиные башмаки» (1932), «Самое страшное» (1928), «Невероятная история» (1925) Саша Черный показывает, что ситуация или поведение маленького героя, смешные в глазах взрослых, даже с точки зрения повзрослевшего и дистанцирующегося от своего детства персонажа, самому герою таковыми вовсе не кажутся.

Тэффи в рассказах «Лиза» (сб. «Городок», 1927), «Вурдалак» (1931), «Золотое детство» (1911), «На Красной Горке» (1933) и многих других не просто показывает, что ребенок смешон, она дает объяснение поступкам детей, моделируя их логику, объясняя, почему ребенок так забавно поступил. Комизм выражается в том, что Тэффи говорит о смешном абсолютно серьезно, забавные поступки детей названы «взрослыми», «умными» словами.

Тэффи, Саша Черный и Аверченко, следуя чеховской традиции, изображают **детскую веру в авторитет взрослых, «наивный реализм» детей в восприятии книг**. Именно это становится основой комической ситуации в рассказе Чехова «Мальчики». По стопам чеховских героев следуют мальчишки из рассказов Аверченко «Индийская хитрость» (1911), «Рождественский день у Киндяковых» (сб. «О хороших, в сущности, людях», 1914), «Предводитель Лохмачев» (сб. «Шалуны и ротозей», 1915), «Разговор в школе» (1916), которые только и мечтают о том, как бы убежать в Америку или вернуть то дивное время, когда дикие мустанги носились по прериям. Юные герои Тэффи и Саши Черного менее одержимы жаждой приключений, чем мальчишки у Аверченко, однако Саша из рассказа Черного «Самое страшное», Сережа из рассказа Тэффи «Гурон» (1927), и две маленькие девочки, задумавшие, как их старшие братья бежать в Америку в рассказе Тэффи «В Америку» (1938), – все эти мечтатели прекрасно знакомы с книгами, в которые верил Монтигомо Ястребинный Коготь.

Однако замеченные комические стороны детства не мешают писателям видеть детские трагедии. В рассказах Чехова «Спать хочется» (1888), «Ванька» (1886), «Житейская мелочь» (1886), «Событие» (1886) и Тэффи «Трагедия» (1947), «Любовь» (1924), «Олень» (сб. «Неживой зверь», 1916), «Нигде» (1936) юмористическая тенденция ослабляется или исчезает совсем, остается сочувствие к ребенку, уважение к его переживаниям и возмущение теми причинами, которые доводят ребенка до отчаянных поступков (убийство в рассказе Чехова «Спать хочется», самоубийство мальчика из рассказа Тэффи «Олень»). В рассказах Черного и Аверченко мы не найдем изображения такого жестокого равнодушия взрослых к душевным ранам детей, как у Чехова и Тэффи.

Чехов показывает два **равноправных мира: мир детей и мир взрослых**. Соответственно, для рассказов характерна **двуплановость** построения, где на первом плане – ребенок, со своим мироощущением, своими ценностями и переживаниями, а на втором плане – мир взрослых, так или иначе влияющих на жизнь детей. В рассказах Тэффи подобная **двуплановость** получает интересные композиционные

решения. Рассказ «На Красной Горке» построен на антитезе (контрасте) самовосприятия ребенка и восприятия его взрослыми, другими словами, представлены взгляды взрослых и ребенка на одно и то же действие.

Двуплановость построения заметна в рассказах Аверченко «Человек за ширмой», «Под столом», «Блины Доди» и в других. В рассказе «Под столом» Аверченко совмещаются точки зрения маленького Димки, взрослого персонажа и самого рассказчика, который дает пояснения. У Саши Черного двуплановость построения с наибольшей остротой реализована в «Дневнике фокса Микки» и повести «Кошачья санатория» (1928), где под маской животного скрывается человек, являющийся одновременно мальчишкой и взрослым.

Дети не есть маленькие взрослые, дети – это люди со своим образом мысли, со своим восприятием жизни, отличающимся от взрослого. Чтобы помочь читателю понять это, писатели показывают мир глазами ребенка, они реконструируют его мышление, его детскую логику с помощью приема **остранения**. В рассказе «Олень» Тэффи не просто моделирует сознание ребенка, но и сопоставляет его с мышлением матери, тем самым подчеркивая, что непонимание между ними непреодолимо. Это ясно видно из эпизода, когда мальчик Лелька впервые попал в зоопарк. Читатель смотрит на зверей глазами Лельки, а пояснения делаются устами матери.

Саха Черный часто пользовался приемом остранения в прозе как для взрослых, так и для детей. При этом добиваться эффекта остранения он мог разными путями и с разной целью. В прозе для взрослых этот прием служил ему для достижения сатирической цели, для обличения дикости, пошлости, глупости и других людских пороков. А. Иванов отмечает, что в сатирической прозе Саши Черного остранение – «излюбленный прием, когда обличает не автор, а вопиют сами атрибуты бытового и духовного обихода»³.

В «Дневнике фокса Микки» остранение выступает в качестве средства создания комического. «Что важнее всего в жизни? Еда. Нечего притворяться! У нас полон дом людей, они разговаривают, читают, плачут, смеются, – а потом садятся есть. Едят утром, едят в полдень, едят вечером. А Зина ест даже ночью: прячет под подушку бисквиты и шоколадки и потихоньку чавкает».

Однако юмор в «Дневнике...» не всегда такой безобидный, иногда в нем проскальзывают злые ноты. В таких случаях под маской фокса Микки лицо Саши Черного становится особенно заметным. Здесь и проявляется та многоплановость, которая превращает это произведение, как и «Кошачью санаторию» из детского, – в произведение для всех.

Остраненный (нормальный) мир детей сталкивается с формализованным миром взрослых, определяя обязательный для произведений Чехова, а позднее Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи **магистральный конфликт** (термин И.Н. Сухих). Взрослые могут быть внимательны к внешнему состоянию ребенка, его здоровью, но не могут понять, что творится в его душе.

Противостояние двух миров – детского и взрослого – прослеживается в таких рассказах Тэффи, как «Гурон», «Неживой зверь», «Олень», «Кишмиш» (1940), «Любовь», «Счастливая» (сб. «Неживой зверь», 1916). «Магистральный конфликт» между взрослым и детским миром прослеживается в таких произведениях А.

Аверченко, как «Под столом», «Человек за ширмой», «Рождественский день у Киндяковых» и в других.

Своеобразие прозы Саши Черного о детях проявилось в том, что у него конфликт между взрослым и детским максимально ослаблен. Адресат произведений писателя – дети, поэтому в художественную задачу Черного не входило то сатирическое разоблачение взрослых, которое преследовалось Чеховым или Аверченко. Однако и в его прозе есть образы несимпатичных взрослых: «снимающиеся дамы», «дрессированный» папа; няня, менявшая цвет волос, «как попугай»; кухарка, «храпевшая так, что дребезжали банки на полке»; толстая консьержка, с трудом «застегивающая живот» из «Дневника фокса Микки». Насколько несимпатичны эти взрослые и их мир групповых фотографий, скучных газет и глупого кинематографа, настолько прекрасен, пронизан радостью и игрой мир детей.

В магистральном конфликте **автор встает на сторону детей**, принимает их ценности, что определяет выбор точки зрения повествователя, который, не сливаясь со своим маленьким персонажем, передает его взгляд на мир с помощью несобственно-прямой речи, подчеркивания жеста и мимики, а также синтаксических конструкций, близких к детской речи.

Рассказы Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи о детях часто строятся, как **сценки**, в них доминируют диалоги, прямая речь, широко используется прием **речевой характеристики** детей. Таковы, например, рассказы Аверченко «Нянька» (сб. «О хороших, в сущности, людях», 1914), «Деловой мальчик» (сб. «Шалуны и ротозей», 1915), «Вечером», «Грабитель» (сб. «О маленьких – для больших», 1916) и многие другие. Персонажи рассказов Тэффи «На даче» (1912), «Золотое детство», «После праздников» болтают, дразнятся, хвастаются, ведут «чинные» беседы, подражая взрослым. Рассказы Саши Черного «Факирский подарок» (1924), «Ссора» (1926), «Разбитое стекло» (1926), «Танина школа», «Домик в саду» (1918), «Нервные слоны» (1927) и многие другие основаны на диалогах и изображении игры детей. То, что Аверченко, Черный и Тэффи столько внимания уделяют изображению игры детей, отличается их прозу о детях от прозы Л.Н. Толстого или С.Т. Аксакова, но роднит с А.П. Чеховым.

Пристальное всматривание в особенности мира детства в творчестве Черного, Аверченко и Тэффи объясняется общими чертами в их мировоззрении, художественном кредо. В третьем параграфе первой главы – «Идея "естественного человека" в прозе о детях» – рассматривается философское понятие, которое, по мнению диссертанта, объединяет прозу о детях Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи. О том, что «естественный человек» – идеал для Саши Черного, писали такие литературоведы, как Л.А. Спиридонова и А.Г. Соколов, не вдаваясь, впрочем, в подробности.

Подходя к началу человеческой жизни, художники неизбежно встают перед вопросом о том, каким является в мир человек, какова его природа. На вопрос о человеческой природе, о том, каким Бог сотворил человека (у верующих мыслителей), или о том, каким сформировался человек в ходе эволюции, выделившись из животного мира (у мыслителей-атеистов), философы дают три варианта ответа. 1). Человек изначально склонен к злу, добропорядочные отношения между людьми устанавливаются, когда человек преодолевает нравственными усилиями эту склонность. Такое представление о человеке разработано И. Кантом, чей «категорический императив» призывает относиться к человеку как к цели, но

³ Иванов А.С. Театр масок Саши Черного // Черный Саха. Собрание сочинений в 5 тт. – Т. 3: - М.: Эллис Лак, 1996. – С. 15.

никогда как к средству. Представления о человеке, как существе от природы злом и порочном, было совершенно чуждо Саше Черному, Аверченко и Тэффи. 2). Человек рождается на свет добрым и нравственно чистым (Мишель Монтень, конечно, Ж.-Ж. Руссо). Вера в то, что «естественный человек» есть добрый человек, приводит мыслителей к негативной оценке цивилизации и проповеди естественной жизни, которая выражается, во-первых, в тесной связи человека с природой, а во-вторых, в том, что человеку не нужно сдерживать, как того требуют правила этикета, принятые в цивилизованном обществе, своих чувств и стремлений, ибо у «естественного человека» эти чувства и стремления не могут быть дурными. 3). В человеке борются добро и зло. Об этой борьбе писали те русские философы, которым удавалось в поисках ответа на вопрос, что является сутью человеческой природы, заглянуть в «подполье» человеческой души.

Дети в изображении Черного, Аверченко и Тэффи обладают теми же моральными качествами, что и дикари, первобытные, «естественные» люди в представлении Монтеня и Руссо. У Тэффи животные, «первобытный» человек якут Колай и дети совершают похожие поступки, выражая свою любовь («О нежности», 1935).

У Саши Черного дети также изображены похожими на дикарей, но речь идет не о нравственности, а о той непринужденности и энергичности, которые свойственны «естественным людям». Дети в рассказе Черного «Африканские вещи» (1931) находят лучшее, чем взрослые, применение шурам животных, деревянному идолу и цимбалам, привезенным из Африки, потому что используют их по назначению - для охоты, танцев и лазанья по «лианам». Мальчишки в рассказе Аверченко «Дети» (сб. «О маленьких - для больших», 1916), подобно своим сверстникам из «Приключений Тома Сойера» Марка Твена, предпочитают уху, сон на земле у костра, купание голышом до посинения и другие радости вольной жизни домашним нарядным костюмчикам и правилам вежливого поведения.

Идея «естественного человека» в прозе Саши Черного, Тэффи и Аверченко о детях проявляется в близости к природе, о которой писали Руссо и русский философ, воспринявшие и развившие его мысли (А.Н. Радищев, В. Одоевский, конгениальный последователь французского философа - Л.Н. Толстой). Образ «естественного человека», живущего в гармонии с природой, создан старшим современником Черного, Аверченко и Тэффи, - А. Куприным («Листригоны», «Олеся», 1898).

Детей в изображении Черного, Аверченко и Тэффи объединяют такие черты, как непосредственность, близость к природе, богатство и острота переживаний и т.д. В то же время дети в рассказах писателей обладают разными характерами, в каждом конкретном образе «естественный человек» проявляется своеобразно. Авторы используют многообразные художественные средства для передачи богатства детских типов. Во второй главе диссертации - «Типология, принципы и способы создания детских образов в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи» - говорится о подчинении детских образов в их творчестве тому принципу изображения детей, который был ведущим и в повести Л. Толстого «Детство», и в рассказах А. Чехова, - принципу художественного психологизма. Внимание, в первую очередь, к внутреннему миру ребенка, продиктовано Тэффи, А. Аверченко и Саше Черному не только классическими литературными традициями. Период конца XIX - первой половины XX века характеризуется возникновением и сохранением стойкого интереса к систематическому изучению детской психологии.

В то время, когда А.П. Чехов, Ф. Сологуб, А. Аверченко, Тэффи, Саша Черный писали свои рассказы о детях, возрастная психология переживала период продуктивного развития. Даже если писатели не читали специальных трудов педологов, бихевиористов, психоаналитиков и других ученых, они не могли не воспринять тех идей о человеческой личности, которыми была насыщена атмосфера времени. Например, Аверченко подчеркивал важность и фактологическую ценность своих наблюдений над детьми в названии миниатюры «О детях (материалы для психологии)» [1912].

Исходя из вышесказанного, в диссертации предложена типология детских образов в юмористической прозе Саши Черного, Аверченко и Тэффи, построенная на психолого-характерологическом критерии. Классификация детских образов в прозе всех троих авторов, Саши Черного, Аверченко и Тэффи, не предпринималась. Но говоря об образах детей в произведениях Аверченко и Тэффи, исследователи творчества этих писателей обращали внимание на разнообразие детских персонажей. указывали типы, наиболее любимые юмористами.

Разницу в детских характерах, позволяющую разделить детские образы на группы, в рассказах А. Аверченко подчеркивали уже первые критики. П. Пильский, в 1916 году рецензируя книгу Аверченко «О маленьких - для больших» верно подметил принятое у писателя принципиальное разделение всех детей от дошкольного возраста до юности на «хулиганов» и «домашних ребятишек». Вслед за своим далеким предшественником, современная исследовательница Л.А. Спиридонова выделила, не рассматривая их подробно, в творчестве Аверченко несколько типов детских образов, основываясь на разнице в характерах, изображенных писателем: деловой мальчик, подглядывающий за взрослыми ребенком, скверный мальчишка, ребенок-шалун и выдумщик, мечтатель, авантюрист и т.п.

Исследовательница творчества Тэффи Е.М. Трубилова выделяет в особую группу рассказы Тэффи на «шмяющую тему» о детях эмиграции. Соглашаясь с литературоведом в том, что Тэффи волновала проблема адаптации русских детей к условиям эмиграции, диссертант придерживается того мнения, что установление общности между образами детей-эмигрантов и выделение их в особый тип не является наиболее удачным. Тэффи подчеркивает в своих рассказах не столько национальную драму детей (утрату русских корней), сколько общечеловеческую драму утраты детства и вступления во взрослую жизнь.

Подобное преобладание общечеловеческих смыслов в образах детей-эмигрантов из России характерно и для произведений Саши Черного. Как и Тэффи, этот художник умеет несколькими деталями намекнуть на трудности, с которыми приходится столкнуться русскому ребенку на чужбине. Это и языковой барьер, и частые переезды, отрицающие домашний уют, и отсутствие дома днем родителей, вынужденных работать, и одиночество, неизбежное для ребенка, чужого в коллективе иностранных детей. Но Саша Черный, затрагивая эти проблемы, не оставляет их в неразрешенном виде. Писатель, чьи произведения адресованы и детям и взрослым, снижает остроту конфликта либо «переносит» Россию за границу, либо помещая детей в условия, где конфликт существования ребенка в чужой среде исчезает. Наиболее ярким примером рефлексии проблемы адаптации русских детей к жизни на чужбине может служить повесть «Чудесное лето».

Однако при всей важности проблемы существования русских детей на чужбине в жизни и произведениях Саши Черного она все же является лишь одной из составляющих мира детства в понимании писателя. Мы полагаем, что Сашу Черного,

Тэффи и Аверченко больше интересовали общие, универсальные, прежде всего, психологические особенности детей. Для классификации детских образов в их произведениях, ориентированной на объект (а не на средства) изображения, психолого-характерологический критерий представляется более адекватным, чем, скажем, социально-географический, или национальный (образы русских детей на родине и на чужбине).

Можно выделить 6 типов детских образов в прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи, основываясь на психолого-характерологическом критерии: «фантазеры», «читатели», «деловые люди», «юные влюбленные», «одинокие дети», «шалуны». Для юмористического изображения «фантазеров» и «читателей» авторы прибегают к алогизму, гиперболе, совмещению разных точек зрения в повествовании (захваченных фантазией детей и насмешливого взрослого, дистанцирующегося от своего детства), пародированию популярных жанров массовой литературы (детективов, приключенческих романов, мелодрам).

В рассказах о «деловых людях», активных и хлопотливых, стилевой доминантой является сюжетность. Дабы избежать сентиментальности в изображении детей, Саша Черный и А. Аверченко трансформируют жанр рождественского рассказа («Продувной мальчишка» [сб. «Дети», 1922] Аверченко), делают нарочито грубоватой речь повествователя и персонажей, вводят иронические интонации в описания. Комизм рассказов о «деловых людях» строится также на разнице в восприятии хлопот детей ими самими и взрослыми («На Красной Горке» Тэффи). Для произведений о «деловых людях» характерны интертекстуальные переключки с произведениями американских прозаиков-юмористов: новеллами О. Генри и «Приключениями Тома Сойера» (1876) Марка Твена.

Главной чертой «юных влюбленных» является подражание внешним атрибутам любовных романов мужественных героев и «роскошных женщин». Саша Черный, А. Аверченко и Тэффи снижают романтический и сентиментальный пафос в произведениях о «юных влюбленных», иронично комментируя их внешний вид, прибегая в сюжетосложении к комическим положениям, ставшим результатом недоразумений, избегая с помощью диалектизмов напыщенных влюбленных речей («Страшный Мальчик» [сб. «О маленьких – для больших», 1916] Аверченко). Однако чистота и красота, свойственная детям как «естественным» людям, находит свое воплощение и в образе смешных «юных влюбленных». Писатели используют символ весны («Весна весны» Тэффи), поэтизируют детскую свежесть.

Если «юные влюбленные» стремятся поскорее войти в мир взрослых, то «одиноким детей» жизнь приводит в недоумение, пугает, заставляет страдать. Беззащитность детей перед опасным миром передана с помощью антитезы: маленькие мальчики и девочки противопоставлены огромным городам, домам и людям. Одиночество подчеркнуто трогательными портретами детей (маленькие перчатки из рассказа Тэффи «Мальчик Коля», 1935), вещными деталями (предметы, которые заменяют детям живых товарищей). Особенностью композиции образной системы рассказов об «одиноким детях» является противопоставление детских образов в рамках одного произведения («Подземные корни» [1935] Тэффи). Специфика рассказов Саши Черного об «одиноким детях», адресованных маленьким читателям («Желтый фургон», «Бретонский Нептун» [оба рассказа - 1926]), проявилась в четком сюжетно-композиционном строении, предполагающем наличие всех основных элементов сюжета.

Но все же одиночество преодолевается детьми, оно не мешает им проказничать, играть, осваивать родную речь, нормы этикета, как это делают «шалуны». Этот тип детских персонажей изображен Сашей Черным, А. Аверченко и Тэффи с помощью следующих основных юмористических приемов:

1) **комический портрет.** Сравнения и ироничное именование полным именем делают смешной портрет двухлетнего малыша из рассказа Саши Черного «Домик в саду» (1918): «...Приковылял еще один человечек: кухаркин сынок, Василий Иванович, весом с курицу, двух лет, с хвостиком, румяный, как помидор. Пришел, палец в рот, вытаращил глазки, пустил слюну и смотрит». Комические портреты служат средством создания юмористического детского образа также в рассказах «Подземные корни» Тэффи и «Дети» Аверченко. В рассказе «Славный ребенок» (сб. «Дети», 1922) Аверченко ограничивается одной выразительной деталью: Сашка «проигрался догола» в пуговицы, оборвав с себя все, что было можно. «Штанишки его держались только потому, что он все время надувал живот и ходил, странно выпячиваясь».

Разновидностью комического портрета выступает контрастный портрет. В рассказах Тэффи «Чертик в баночке» и «Исповедь» (сб. «Неживой зверь», 1916) противопоставлены невинный внешний вид девочек, тихонько вяжущих бисерные колечки, и страсти, которые кипят в их душах.

2) **комизм детского поведения.** Писатели обращают внимание на забавные мелочи: дети в рассказе Тэффи «На даче» беседуют о будущих профессиях, и Петя тут же показывает, как он будет акробатом. Димка из рассказа Аверченко «Под столом» увидел, как кто-то из взрослых вылил содержимое своей рюмки под стол, он сам попробовал напиток из лужи и дал «попить» своему игрушечному верблюду. Гриша из «Троицына дня» (сб. «Неживой зверь, 1916) Тэффи держал во время праздничной церковной службы свой букет прямо за головку тюльпана. Буба из рассказа писательницы «Олень» попробовала порошок от тараканов, насыпанный за печкой, и нашла его сладким.

3) **комизм детской логики** (алогизм, парадокс) Четырехлетний Макс из рассказа Саши Черного «Берлинское Рождество» (1924) собирает марки не по странам, а по цвету: оранжевые он наклеивает на одну страницу, голубые и синие – на другую. Лежащий в укромном месте Мишка из рассказа Аверченко «Человек за ширмой» отвлекается от подслушивания взрослых разговоров, увидев, как ловко вертит его тетя зеркальце на цепочке. Решивший умереть назло матери «шалун» стал понемногу забывать о смерти, «другие планы зародились в его голове... Можно взять коробочку от кнопок, привязать ее к веревочке и тоже так вертеть – еще почище теткиного верчения будет». Четырехлетнему французу из рассказа Тэффи «Сосед» (1937) хотелось получить от Деда Мороза настоящую железную дорогу и флакон изпод бриллиангина.

Детское представление о ценностях влияет и на то, чем хвастаются дети. В Рассказе Тэффи «Олень» Лелька чувствует свое превосходство над новорожденным братцем только потому, что он умеет говорить, а братец только агукает. Митенька из одноименного рассказа писательницы хвастает перед кондуктором в поезде тем, что ему все дают семь лет, хотя, на самом деле, ему четыре. Старшими братьями и сестрами, которым уже даже «сорок десять» лет, старыми гусями и тем, что мама умеет ездить на парходе, хвастают дети из миниатюры Тэффи «На даче». Столь же нелепо ведут себя мальчишки из рассказа Саши Черного «Морская подушка»: они хвастают друг пред другом ненужными огромными вещами, выставленными на

верандах их дач – пропеллером от самолета и выловленной в море подушкой с запахом «разлагающейся русалки».

Детская логика окрашивает в юмористические оттенки даже смерть. Детским представлениям о смерти посвящены рассказы Аверченко «Человек за ширмой» и «Ревность» («Неживой зверь», 1916) Тэффи. Дети абсолютно не воспринимают смерть как что-то окончательное, а потому смерть для них – это способ отомстить родителям, которые их не ценят должным образом. Лиза из рассказа Тэффи представляет себе, как она умрет и будет сидеть за столом с гостями бледная, а мама догадается, что девочка умерла. Тэффи подчеркивает детскую логику в вопросе о смерти с помощью оксюморона. Девочка гуляет в саду и видит жука: «В одном уголку жил дохлый жук. <...> Совсем был дохлый и жил спокойно».

4) **комизм детской речи**, реализующийся в таких приемах, как:

а). **Буквализация метафор**. «Ну и пухни с голоду», – бросает обессилевшая уговорами мать отказывающемуся есть Сашке из рассказа Аверченко «Славный ребенок». «Сашка, заинтересованный этой перспективой, отодвигает котлеты и, пригитхший, сидит, ни до чего не дотрагиваясь, минут пять. Потом решив, что наголодался за этот промежуток достаточно, пробует потихоньку живот: не распух ли?». Подобный прием можно найти в рассказах Тэффи «Подземные корни», «Марцелина», повести Саши Черного «Чудесное лето», в «Дневнике фокса Микки» и т.д.

б). **Неверное толкование слов**. Особенность детского мышления в том, что у ребят не хватает терпения на выяснение точного значения незнакомого слова или выражения. Дети самоуверенно полагаются на свою интуицию и догадливость, порождая забавные толкования слов и целых фраз, услышанных от взрослых. Саша Черный изображает в рассказе «Буйабес» (1926) небольшую потасовку, которой закончился детский спор о значении загадочного французского слова, вынесенного в название произведения. Дети неутомимо выдвигают свои версии: буйабес – это и наклонная башня, и матросское ругательство, и бой быков... В рассказе Тэффи «Приготовишка» («Неживой зверь», 1916) Лиза недоумевает, как же могла горничная взять в подарок у «покойного барина» серьги, ведь страшно брать у мертвого. Так же, по-своему, понимают незнакомые слова дети в рассказах Тэффи «Катерина Петровна», «Олень», «Митенька» и др.

в). **Восприятие непонятной речи взрослых как игры**. Тэффи в рассказах «Сосед» и «Митенька» изображает одинаковое речевое поведение детей. На таможене идет проверка багажа, у пассажиров спрашивают: «Это ваши вещи?». Митенька воспринял это как игру и стал громко скандировать вопрос. Подобная игра захватила и героя рассказа «Сосед». Слова «Скорес чаю!» очень нравились маленькому французу, «что, собственно говоря, это значит, он не спрашивал. Он, кажется, считал эти слова чем-то вроде боевого клича».

г). **Подражание речи взрослых**. Этот прием отличается от предыдущего тем, что дети не играют, а бессознательно копируют взрослых. Хотя строгую границу между подражанием и игрой у детей не всегда можно провести. Мальчик из рассказа Саши Черного «Счастливый карп» обращается к своему отцу так, как, по всей видимости, родители обращаются к нему самому. Миша торопит отца в поход на базар: «Идешь, папка? Прямо терпение с ним лопается, с этим человеком». «Братец ты мой», обращается к матери Митенька из одноименного рассказа Тэффи. В рассказе «Золотое детство» писательница подробно изображает беседу Яши и Наденьки, представляющих себя, соответственно, дворником и кухаркой.

д). **Детское отношение к языковым формулам вежливости**. Дети относятся к правилам этикета очень своеобразно. Тэффи показывает в рассказах «Сосед» и «Золотое детство», как дети испытывают неловкость от того, что им нужно поздороваться с кем-нибудь по всем правилам, с произнесением ритуальных слов. Яша из рассказа «Золотое детство» входит утром в гостиную и вместо того, чтобы поздороваться, задает мучающий его все утро вопрос: «Во что лошади сморкаются?». Мать делает мальчику замечание и велит подойти к тете, сидящей здесь же за столом, шаркнуть ножкой и пожелать доброго утра. Яша не может этого сделать: «...Желать доброго утра вообще было стыдно, а сразу после приказания уж и совсем невозможно. Большие могут пригворяться, им все нипочем: «Благодарю! Пожалуйста!» А маленькому все это ужасно совестно». Димка из рассказа Аверченко «Под столом (пасхальный рассказ)», напротив, боясь идти через темный коридор в детскую, старается вежливо поддерживать беседу с пьяным гостем, произнося ритуальные фразы: «Где были у заутрени?», «А у вас пасхи хорошенькие?».

е). Специфическое детское речевое поведение (привычка «почемучничать», обзывать, дразнить и т.д.). Невозможно представить себе, чтобы взрослый на вопрос сестер о подарке на новоселье, сказал, что принесет им «жареного таракана», как сделал это пригитовишка Витя из рассказа Саши Черного «Домик в саду». Типичной «почемучкой» является маленькая Ирен из рассказа Тэффи «Мой маленький друг», вопросы сыпятся из нее один за другим: «Отчего деревья зеленые? Отчего рот один, а уха два? Отчего у собак нет денег? Куда девается огонь, когда дунуть на спичку?» и т.п. В рассказе Тэффи «Каникулы» (1912) младшая сестра просит помочь старшую решить задачу по арифметике, но ничего не выходит, сестры ссорятся: «Дура! – Сама дура! Старая девка! – Вот я тебе скажу – он тебе задал!». В этих репликах типичные для детей привычки возвращать оскорбление с прибавлением слова «сам(а) такой-то» и угрозой наябедничать родителям. Сюда нужно еще добавить детскую манеру говорить «представь, что тебе <делают что-то плохое>» (вариант: «тебе бы так, знаешь, как больно, неприятно и т.п.»), точно переданную в рассказе Саши Черного «Нервные слоны. Дети обсуждают со взрослым рассказчиком заметку в газете о взбесившихся слонах. Девочка Валя выдвигает свою версию о причине паники слонов: «Но кто же, кто же, дяденька Сашенька, мог узнать, почему они взбесились?! <...> Просто слонам страшный сон приснился: будто их привели в колбасное заведение и хотят у них хоботы отрезать на колбасы... Конечно, они возмутились... и взбесились. Представьте себе... Вдруг бы вы увидели во сне, будто у вас уши хотят отрезать и сварить их вместо вареников». В процитированном отрывке есть еще одна специфическая особенность детской речи: ехидно-ироничное название того, с кем споришь, уменьшительным именем.

Писатели используют также выразительные средства комического, не относящегося непосредственно к детским образам, но создающего атмосферу юмора в произведении. Такова, например, **ирония**, когда **о маленьких говорится как о взрослых**, серьезных людях. О «шалуне» Сашке из рассказа Аверченко «Славный ребенок» повествуется как о расчетливом пройдохе: «Сашка вернулся к своим утренним делишкам»; «Сашка измыслил для себя недурную лазейку»; «Сашка задумал одним грандиозным взмахом обогатить себя». В рассказе Тэффи «Исповедь» повествование ведется от первого лица, но ироническая интонация сохраняется: взрослая рассказчица дистанцируется от себя маленькой и смотрит на себя со стороны с улыбкой. «Я, конечно, не уронила своего достоинства»; «История с

ватрушкой так и осталась невыясненной, и сама я давно погребла ее под пластами новых преступлений более мелкого калибра».

В произведениях о «шалунах» Саша Черный прибегает даже к «черному юмору». В рассказе «Нервные слоны» дети и взрослый рассказчик читают заметку о взбесившихся животных, раздавивших человека и посеявших панику в городе. Но трагедия превращена писателем в «черную комедию», очень напоминающую смех Даниила Хармса с его бессмертным «Иваном Топорыжкиным» и любопытными «Старухами», вываливающимися из окна. Рассказ начинается с пародии на сенсационное газетное сообщение, затем комизм усиливается с помощью лейтмотива «с криком и визгом», повторяющимся четырежды, всякий раз, когда речь идет о людях, удирающих от слонов или мышей. Кроме того, в рассказе изображены смешные погони в духе кинокомедий Чарли Чаплина.

Саша Черный и А. Аверченко прибегают также к таким приемам комического, как клоунада и «practical jokes» – «практические шутки», розыгрыши. Сашка – юный герой рассказа Аверченко «Славный ребенок» – с утра до вечера занят тем, что делает мелкие гадости домочадцам. Даже засыпая, этот человек планирует хулиганские дела на завтра.

В таких произведениях, как «Домик в саду», «Морская подушка», «Визит», «Буйабес» Саши Черного, «Дети», Аверченко, «Золотое детство», «Митенька» Тэффи очень много внимания уделено играм детей. Писатели скрупулезно и терпеливо изображают подготовку к игре, выработку правил, распределение ролей, сами игровые действия детей. Игры могут самыми разными: от плеванья через кольцо, сложенное из пальцев («День делового человека» Аверченко) до развернутой сюжетно-ролевой игры в дом («Домик в саду» Саши Черного). Однако для нас, в первую очередь, интересны не сами игры детей, а их влияние на стиль произведения. Изображая игру, талантливый писатель сам начинает играть.

Так, Тэффи в миниатюре «На даче» играет словами, использует прием каламбура, чтобы передать забавный детский диалог. «Надя рвет что-то с куста и, сморщившись, жует. – Ты что это ешь? – спрашивает Оля. – Черную смородину ем. – Черную? – Ну да, черную – Так отчего же она красная? – Оттого что зеленая». Писательница смешивает значения слов: «зеленый» означает не только цвет, но и «неспелый», а «черная смородина» и «красная смородина» – названия видов ягод. Но дети говорят не о видах ягод, а об их цвете, а слово «зеленый» используют в значении «неспелый», недоумевая при этом, почему же все так неправильно называется.

Игры мальчишек у Аверченко интересны своей «мужественностью». «Шалуны» этого писателя – «разбойники», которые разжигают костры и курят украденные у отца папиросы. В рассказах Аверченко о «шалунах» можно ощутить пафос, так сказать, антисентиментальности, что достигается ироничным тоном повествования, грубоватой речью детей и комизмом «practical jokes».

Изображая «шалунов», Саша Черный воссоздает «детский рай», идиллию, где дети играют на лоне природы вместе с животными. Действие рассказов разворачивается в саду или на берегу моря. В произведениях включаются элементы сказки или сказочные реминисценции.

Писательское мастерство Тэффи, А. Аверченко и Саши Черного в изображении детей, стилевое своеобразие их юмористической прозы может стать предметом дальнейшего научного рассмотрения. Выработанные художниками оригинальные принципы и способы показа детства, впитавшие в себя, в то же время, традиции классической русской литературы, нашли позднее воплощение в «очень коротеньких»

«Детских рассказах» В.В. Вересаева (публиковались в 1928-1959 годах), в психологических новеллах А. Грина (например, «Гнев отца», 1929), в цикле М. Зощенко «Леля и Минька» (1939) М. Зощенко, в рассказах В. Драгунского, Ю. Коваля, Т. Толстой и других писателей, обращавшихся к такому забавному и такому прекрасному миру детства.

В заключении диссертации подводятся общий итог работы, намечается путь дальнейшей разработки темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Коротких А.В. Литературная сказка в детской прозе Саши Черного // Сказка как предмет исследования: Межвузовский сборник научных статей. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 1999. – С. 35-42 (0,3 п.л.)
2. Коротких А.В. Образ «приготовишки» в юмористической прозе Саши Черного // Филологический журнал: Межвузовский сборник научных статей. – Вып. IX. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2000. – С. 111-115 (0,4 п.л.)
3. Коротких А.В. Психологизм в изображении детей в юмористической прозе С. Черного, А. Аверченко и Тэффи // Филологический журнал: Межвузовский сборник научных статей. – Вып. X. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2001. – С. 128-130 (0,3 п.л.)
4. Коротких А.В. Особенности детского портрета в юмористической прозе Аверченко, С. Черного и Тэффи // Сахалинская молодежь и наука: Тезисы межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2001. – С. 79-80 (0,1 п.л.)
5. Коротких А.В. Детская речь как предмет изображения в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи // Поэтика русской и зарубежной прозы: Тезисы докладов международной научной конференции. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2001. – С. 33-35 (0,1 п.л.)
6. Коротких А.В. Чеховская традиция изображения детей в прозе Н.А. Тэффи // Чеховские чтения: Чехов и сахалинское образование. – Южно-Сахалинск: Управление культуры и туризма администрации г. Южно-Сахалинска; Музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», 2001. – С. 27-29 (0,1 п.л.)

Лопух К. И. 02.12.2002 Объем 1 п.л. Заказ № 433 Тир. 100
Типография МПГУ